

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В.В.Карпинский

Бурная экспансия информационных технологий, начавшаяся в середине 70-х годов XX века и продолжающаяся по настоящее время, позволила ряду социальных мыслителей сформулировать концепцию информационного общества. Является ли данная концепция достаточно аргументированной и отражает ли она существенные особенности современного общества, чтобы претендовать на статус целостной социально-философской и социологической доктрины? В статье обосновывается вывод о том, что теоретики информационного общества фиксируют далеко не все особенности современного социума. Представляется целесообразным эту концепцию рассматривать как составную часть теории общества высоких технологий.

Введение

В начале 80-х годов технологический прогресс, который так внимательно исследовали философы-постиндустриалисты, выдвинул на первый план информационные технологии. Их бурная экспансия, начавшаяся в середине 70-х годов XX в. и продолжающаяся по сей день, стала радикально изменять структуру общественного производства. Информация и знания были объявлены важнейшими факторами развития передовых стран. Стали утверждать, что теперь не избыток или недостаток сырьевых ресурсов, труда или капитала, а качество доступной людям информации определяет успех или неудачу предприятия. Информационные издержки, как ранее затраты труда или капитала, стали основными в чисто количественном аспекте. Так, например, в 1991 году в США расходы на приобретение информации и ИТ составили 112 млрд. долл., а затраты на приобретение производственных технологий и основных фондов не превысили 107 млрд. долл. Именно развитие ИТ сегодня определяет экономический потенциал государства и существенным образом влияет на его положение в мировом разделении труда и международной торговле. К 1994 году все виды услуг обеспечили около 22% внешнеторгового оборота стран, входящих в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития, в которую входят экономически развитые страны), причем 42,2% этого товарооборота составили информационные услуги. Объем рынка коммуникационных услуг в 1995 году составил 395 млрд. долл. (из которых на долю США приходился 41%), а рынка услуг по обработке данных – 95 млрд. долл. (75% которого контролировалась США). В этот период были также заложены основы системы венчурного капитала, в результате чего в начале нашего века в рискованные технологии начали инвестироваться огромные средства.

Именно на этой почве и родилась идея о том, что страны Запада (прежде всего США) переходят к информационному обществу. К этой мысли ряд исследователей пришли и под впечатлением от темпов смены поколений компьютерной техники, которую стали активно использовать с 40-х годов XX века. Скорость развертывания «информационной революции» впечатляла. Она была раз в пять выше темпов развития технологии использования энергии и

при этом имело тенденцию к постоянному ускорению. Со временем идея информационного общества стала завоевывать все больше и больше сторонников.

Обобщая существующие подходы к трактовке понятия «информационное общество», можно утверждать, что в настоящее время под таким понимается:

- общество нового типа, формирующееся в результате новой глобальной социальной революции, порожденной взрывным развитием и соединением информационных и коммуникационных технологий;
- общество, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению работать с ней;
- глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ; которое, с одной стороны, способствует взаимопроникновению культур, а с другой – открывает каждому обществу возможности для самоидентификации.

Является ли концепция информационного общества достаточно обоснованной, и отражает ли она сущностные особенности современного общества, чтобы претендовать на статус целостной социально-философской и социологической доктрины?

Основная часть

Если признать основой информационной революции взрывное развитие информационных технологий, то придется констатировать, что сами по себе данные технологии – это всего лишь инструмент, и их применение зависит от ценностных установок тех, кто их использует, поэтому трудно согласиться с утверждением, что информационные технологии создают новое общество, названное по имени этих технологий. Например, существовало ли общество паровых машин или общество двигателей внутреннего сгорания, хотя эти новшества также радикально меняли облик общества в свое время? Кроме того, сегодня бурно развивается биология, и эта наука также обещает множество прорывных технологий. Однако мы не обозначаем современное общество понятием «биологическое». В современных высокоразвитых в научном и технологическом отношении странах быстро растет число новейших технологий, не сводящихся целиком к информационным. Достаточно указать на аэрокосмические технологии, технологии производства композитов, производство роботов, фармацевтику, наконец, NBIC-технологии.

Общество – это социально-философское понятие, поэтому когда адепты концепции информатизма сводят общество лишь к технологиям, они тем самым обходят вопросы о том, в чьих руках и для каких целей они используются. Это как раз и есть вопросы о социальной организации общества. В начале 50-х годов прошлого века была большая эйфория по поводу перспектив использования атомной энергии. Но при этом никому в голову не закралась мысль в момент атомного бума объявить о построении атомного общества.

Кроме того, сам рост информации также еще ничего не значит. Если и говорить о информации, то имеет смысл рассуждать не об информации, а лишь о ценной информации. А растет ли она – это совсем не очевидно. Скорее растет количество бессмысленной информации, производимых на псевдоинтеллектуальных конвейерах (современные СМИ, «коммерческие» издательства и т. д.), что приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека («поколение пепси» и тому подобные термины обозначают эту ситуацию). Можно обнаружить даже определенную закономерность: чем больше информации дается человеку, тем менее он начинает понимать, что происходит, т. е. информации становится все больше, а смысла все меньше. Например, Интернет сегодня заполнен колоссальным объемом данных, но найти в нем ценную информацию проблематично. Согласно второму началу термодинамики так и должно быть: создание порядка связано с таким хаосом, что система в итоге в нем просто тонет.

Разработчики теории информационного общества трактуют информацию как специфический ресурс, не обладающий большинством характеристик, свойственных традиционным факторам производства. В частности они полагали, что распространение информации тождественно ее самовозрастанию, что исключает применение к этому феномену понятия редкости, а ее потребление не вызывает ее исчерпаемости как производственного ресурса. В результате они приходят к ложному выводу, что в современной экономике редкость ресурсов заменена на их распространенность.

Благосостояние людей в любом обществе прежде всего зависит от материального производства экономики индустриального типа. Отсюда понятно, почему западные правительства пытаются ограничить стремление капитала к максимальным прибылям в жизненно важных отраслях промышленности и услуг (в условиях глобализации и ТНК эта задача решается с каждым годом все труднее). Ни одно правительство не удержится у власти, если допустит резкое повышение цен на основные жизненные блага и уменьшит уровни бесплатных социальных услуг.

Основным ресурсом постиндустриальной экономики, определяющей благосостояние общества выступает не информация, а энергия – это неоспоримо как для индустриального общества, так и современного. Благосостояние, например, США основывается на максимальном потреблении энергии, прежде всего ее носителя нефти – 3 тонны на каждого жителя в год. Информация и знания действительны только на почве энергии, а добывать ее с помощью информационных технологий из физического вакуума пока не научились.

Особого анализа и оценки требует важный постулат теории информационного общества, говорящий, что поскольку характер труда определяет природу производственных отношений и социальную структуру любого общества, то сплошная информатизация экономики якобы делает труд человека действительно творческим, что коренным образом преобразует само

общество. Благодаря бурному развитию информатики трудящийся человек будто бы перестает быть живым роботом на конвейере, обреченным на бездумное выполнение одной и той же операции, и становится творческой личностью, вооруженной самым современным интеллектуальным роботом, каковым является персональный компьютер, к тому же подключенный к Интернету.

Однако изменился ли существенно труд человека, сидящего не у конвейера, и за компьютером, т. е. стал ли он намного более творческим. Очевидно, что любой компьютерный оператор, работающий в банке, магазине или офисе, занимается на самом деле рутинной работой, набирая многозначные числа, печатая привычный текст и нажимая на кнопки и клавиши. Такой труд требует элементарного внимания, но минимума интеллектуальных усилий. Утомляется человек за компьютером не меньше, чем при монотонной физической или умственной работе, и даже больше.

Конечно, компьютер открывает новые, почти безграничные возможности пользоваться прежними наработками и выбирать нужное клише из множества возможных. Разумеется, компьютерная графика, диагностика и сложнейшие вычисления ускоряют и упрощают работу многих специалистов, но делает ли это их труд более творческим? Компьютер действительно стал бесценным помощником, облегчающим интеллектуальный труд, но он скорее отучает человека думать и совершенствовать свои умственные способности, хотя и дает возможность сосредоточиться на решении конечных задач, не затрудняя себя повторением пути уже пройденного другими раньше.

Понятно, что подлинно творческим трудом занимаются за компьютером лишь те, кто обладает творческими наклонностями независимо от применяемых ими вспомогательных средств, будь то деревянные счеты, арифмометры или современные ЭВМ. Прочие люди при этом не становятся автоматически более склонными к творчеству. Поэтому для того, чтобы считать сплошную компьютеризацию или информатизацию средством превращения человеческого труда в подлинно творческий, нет достаточно серьезных оснований.

На самом же деле творческий труд, присущий лишь творческим личностям, никогда не сможет стать единственно возможным для всех людей. Как умственный труд не всегда является творческим, так и физический нельзя противопоставить творческому. Различие между трудом творческим и рутинным будет существовать всегда. Поэтому классификацию труда с учетом общественно-исторических этапов развития человечества правильнее приводить по линии его принудительности и добровольности. Даже если предположить, что в будущем труд людей станет полностью добровольным, свободным от принуждения со стороны других людей, то он не станет автоматически творческим, так как к такому труду имеют склонность, а тем более способности, далеко не все, а большинство людей высвободившиеся от производства материальных благ время предпочитает проводить в развлечениях, играх вместо того, чтобы испытывать муки творчества. Оставаясь на почве реальности, можно ограничиться лишь предположением на

торжество действительно добровольного труда, мотивированного не зарабатыванием денег, а получением от него удовлетворения.

Современное общество зиждется на производстве материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения насущных жизненных потребностей людей, а получающие все большее значение информация, знания и наука всего лишь обслуживают такое производство. Усомниться в этом не даст простое житейское наблюдение: все мы пока работаем в первую очередь за деньги, а задаром, ради собственного удовольствия может трудиться только в свободное от работы время, которое все еще достаточно ограничено.

Бурное развитие информационных компаний создало (особенно в США) особый кластер «Новой экономики», парадигмально отличный (так полагается) от традиционной Старой. При этом как бы выпало из рассмотрения, что само появление Новой экономики возможно лишь в виде надстройки над Старой, т. е. индустриальной, с хорошо подготовленной информационной инфраструктурой. Возможность (да и необходимость) такой надстройки определяется прочностью фундамента, на котором она стоит.

Адепты информационного общества утверждают, что его основным ресурсом выступают информация и знания, а основным продуктом производства и потребления, — информация и средства телекоммуникации. Такой подход как будто подтверждается завышенной капитализацией компаний сферы ИТ на фондовом рынке. По рыночным законам эта капитализация определяется прибыльностью компаний и их способностью генерировать дивиденды для акционеров. В случае с информационными компаниями законы рынка перешли в сферу виртуального, т. е. симуляции ожиданий высокой доходности. На самом деле дивиденды, генерируемые «высокотехнологичными» компаниями, выступают в роли своеобразных «симулякров», они ничтожны (чаще всего вообще отсутствуют), а доходы на рынке извлекаются в процессе спекуляций, манипулированных ожиданиями непрерывной игры на повышение.

Рассмотрим подробнее функционирование «Новой экономики». Известно, что последнее десятилетие XX века для США было ознаменовано высокими темпами экономического роста. Утверждалось, что основной причиной этих успехов являются информационные технологии. Но сегодня видно, что достижения «Новой экономики» очень сильно преувеличены, а успехи Интернет-бума не стали велики, а фондовый рынок США не в лучшем состоянии.

Естественно, что появление нового продукта, пользующегося повышенным спросом на рынке, на этапе внедрения и экспансии растет более быстрыми темпами, чем экономика в целом. А это приводит к тому, что быстрорастущий сектор неминуемо вытягивает на себя все ресурсы экономики, до которых он может дотянуться. И это означает, что остальные отрасли лишаются возможности получать дешевые ресурсы.

Развитие так называемой «новой экономики», бурный рост передовых секторов состоит в чудовищно гипертрофированном удельном ее весе по сравнению с ее реальным вкладом в экономику и благосостояние. Уже в силу

этого развитие «новой экономики» вопреки распространенному мнению произвело не просто подавляющий, а угнетающий эффект на остальные отрасли экономики, которые безуспешно пытались конкурировать с ней за ресурсы.

Адепты «Новой экономики» гарантировали ее сверхъестественную прибыльность. В прогнозах отраслевых аналитиков и в воображении инвесторов предполагаемый рост прибыли был колоссальным, хотя никакие текущие показатели доходности не давали даже намека на это. Судя по котировкам акций некоторых компаний в разгар Интернет-бума, ожидалось что доходы новой экономики на протяжении десятилетий будут расти со скоростью, многократно превышающей средние темпы роста экономики в целом, и в результате обеспечат как возврат вложенных средств, так и баснословную прибыль.

Но все эти расчеты оказались неверны. В итоге огромное количество компаний прекратило свое существование, так и оставшись убыточными. А громкие скандалы с корпоративной финансовой отчетностью многих гигантов новой экономики, выглядевших благополучными, вызывают ряд серьезных сомнений в их успешности. Это не значит, что новая экономика должна быть отвергнута. С учетом сферы услуг, выросшей на новой экономике, она может достигнуть значительного объема ВВП.

Следует отметить, что общественное мнение всего мира за долгие годы обработки массовой пропагандой «Новой экономики» настолько привыкло к внушаемым лозунгам, что оказалось абсолютно невосприимчивым к негативной информации в ее адрес. Как следствие, менеджеры фактически пострадавших от нее предприятий не могли открыто объявить о возникших трудностях. Как по объективным причинам: признание трудностей вызвало бы падение акций предприятия и необходимости срочно возвращать взятые под их залог кредиты, что могло сделать положение предприятия совсем безнадежным, так и по субъективным: поскольку новая экономика стала в глазах населения и экспертов «палочкой-выручалочкой», универсальным средством получения прибыли, то признание плохих результатов работы неминуемо бы привело к падению авторитета самих менеджеров.

Многочисленные позитивные рапорты компаний, как следствие внедрения информационных технологий, не могли не оказать влияния на легенду о росте производительности труда, и она получала новую жизнь. Все больше и больше компаний начали реорганизацию с внедрением этих технологий, попадая в ту же ловушку.

Откуда же взялись средства на проведение массовых реконструкций и «информационных модернизаций»? Как только предприятия объявляли о том, что они начинают подготовку соответствующих внедрений, стоимость их акций начинала расти, облегчался также доступ к средне- и долгосрочному кредиту. За счет этих кредитов, в том числе под залог нераспределенных акций или за счет дополнительной эмиссии акций, проводились соответствующие внедрения информационных технологий, которые, в свою очередь, вызывали еще больший рост акций. А затем начинали возникать проблемы. Возросший

объем кредитов увеличивал издержки, и ожидаемого уменьшения себестоимости продукции не происходило. Принципиального роста продаж тоже не было. Финансовое положение компаний начало быстро ухудшаться, причем чем больше они вложили в свое перевооружение в соответствии с новой доктриной информатизации, тем хуже становилось их финансовое положение.

Конечно, отрицать новые информационные технологии абсурдно, поскольку их применение не может не влиять на различные сферы жизни общества. Они могут расширить свободу доступа к информации и свободу ее распространения. Это может способствовать совершенствованию демократических процедур, повышению деловой активности, развитию добросовестной конкуренции, предотвращать сращивание бюрократии с монополистическими структурами и т. д.

Использование электронных коммуникаций изменяет систему образования. Но надо помнить, что вспомогательные средства могут улучшить процесс, но не могут его заменить. Данные технологии улучшают систему здравоохранения путем распространения электронной информации, совместного использования лечебными учреждениями дорогостоящего компьютерного оборудования, применения методов телемедицины. Не меньшее значение имеет широкое распространение электронной информации научного и культурно-просветительского характера. Передача и распространение электронной информации представляется более простой, оперативной и надежной, чем обмен бумажными документами. Новые технологии могут принести пользу научным исследованиям, высокотехнологичным и наукоемким производствам.

Возможно, что новые технологии будут стимулировать рост общественной активности, расширят участие граждан в принятии политических решений, поскольку обеспечивают им доступ к соответствующей информации, повысят уровень их знаний о политических процессах и предоставят им средства диалога с государством.

Осознавая несомненную технологическую значимость информационных технологий, нельзя, однако, не видеть, что информационная революция несет с собой не только новые решения и возможности, но и новые проблемы.

В этой связи возникают возражения, попытки приписать информатике и телекоммуникациям роль некоего трансформатора капитализма во всемирное интеграционное общество. Некоторые исследователи считают, что место класса капиталистов как социальной категории заняла сейчас глобальная сеть капитала. Хозяйственными процессами управляет безликий коллективный капиталист, т. е. глобальная сеть финансового капитала со своими узлами и выключателями, успешное функционирование которого обеспечивает электронная коммуникационная система. Однако весьма наивно полагать, что компьютеризация и телекоммуникация в состоянии изменить природу капиталистического общества. Единая информационная среда никак не ведет к исчезновению конкуренции и других существенных характеристик капитализма. То, что в мире все большую роль играет финансовый капитал по

сравнению с реальными секторами экономики, есть следствие не всеобщей информатизации, а стремления к максимальной прибыли любой ценой, в том числе и путем международных финансовых спекуляций. Но хотя капитал все больше вкладывается в финансовую сферу, тем не менее изначально прибыль извлекается в реальных секторах экономики, к каковым относится и сфера услуг, которую в целом никак нельзя считать лишь «довеском» финансового капитала. Хотя главные решения о вложении капитала принимаются часто в финансовой сфере, тем не менее капитал из финансовой сферы вкладывается во все то, что его может вновь оплодотворить: в промышленность, сельское хозяйство, торговлю, туризм, развлечения (а также в производство и сбыт наркотиков), то есть оплодотворяется капитал только в реальных секторах экономики.

Сегодня глобальная экономика напоминает всемирные гонки, в которых в качестве приза выступает конкурентное преимущество, а финишная черта постоянно отодвигается. Главная опасность заключается в том, что усиливающаяся глобализация корпораций самым неблагоприятным образом влияет на политику охраны окружающей среды, а также права на труд и социальную защиту, — причем во всемирном масштабе.

Кроме того, информационные технологии пока никак не повлияли на решение проблемы равенства граждан, регионов и стран. Даже выйдя на социальную арену, они не проникли дальше индивидуального уровня (распространение персональных компьютеров). До настоящего времени эти технологии служили лишь укреплению благосостояния узкого круга лиц и власти, а основные социальные изменения, которые они принесли с собой, произошли пока только на рабочих местах и во взаимоотношениях между компаниями.

Динамичные технологические изменения ставят ряд острых проблем. Например, порождают ли данные технологии новые рабочие места или разрушают уже сложившиеся, как идет процесс адаптации человека к этим изменениям? Увеличивает ли сложность и высокая цена современных технологий разрыв между высокоразвитыми и менее развитыми странами, молодыми и пожилыми поколениями, теми, кто умеет с ними обращаться и кто ими не владеет?

Наиболее существенной угрозой новых трансформаций современного общества является разделение людей на имеющих ценную информацию, умеющих обращаться с новыми технологиями и не обладающих такими навыками. Пока они будут оставаться в распоряжении небольшой социальной группы, сохранится угроза прихода «информационного тоталитаризма».

Трудно согласиться с тем, что рынок информационных технологий может существенно трансформировать общество. Рынок не способен сам по себе выработать определенную шкалу ценностей, основанную, например, на приоритете окружающей среды, духовности, и тем более — выработать гарантии сохранения и достойного развития человечества. Без определенных социально-ценностных направляющих рынок новых технологий еще в большей степени раскрутит маховик потребительского механизма.

В условиях интенсивного использования глобальных сетей возникают новые формы культурной агрессии со стороны наиболее развитых стран в отношении менее развитых, появляется опасность утраты целыми сообществами своей культурной и национальной идентичности, происходит навязывание человечеству потребительских предпочтений и вкусов в интересах узкой группы транснациональных компаний-производителей.

Сегодня благодаря информационным технологиям ведется борьба за «нужное» поведение населения тех государств, в которых местная элита, находящаяся под влиянием Запада, разворачивает развитие своих стран к запрограммированному извне направлению. Если раньше обходились исключительно силовыми методами, то сегодня технические средства коммуникаций и глобализация рынков информации и культурной продукции упрощают эту задачу. В итоге у населения, с одной стороны, формируются определенные культурно-материальные потребности, с другой – притязания социально-политического характера. Отсюда понятно, почему в информационном поле наблюдается жесткое доминирование социально-экономической, духовно-культурной и политической модели Запада над всеми прочими вариантами общественных отношений.

Конечно, невозможно отгородиться от опасностей и проблем информационной эпохи. Необходима разработка эффективных методов противостояния этим опасностям и развитие собственного полноценного участия в формировании конкурентного, противоречивого мирового информационного пространства.

Заключение

Как же квалифицировать концепцию информационного общества? Ряд современных западных мыслителей стремятся определить новое состояние общества путем анализа его отдельных признаков, при этом часто в центре внимания оказываются явления, непосредственно не определяющие общество как социальное целое. Сторонники информационного общества фиксируют далеко не все особенности современного социума, поэтому данная концепция не может претендовать на статус научности. В силу этого концепция информационного общества должна рассматриваться как составная часть теории общества высоких технологий (супериндустриального общества). И поэтому более правильно говорить не об информационном обществе, а об информационных технологиях супериндустриального общества.

Карпинский Виктор Войцехович – доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат философских наук, доцент, komarova@grsu. by